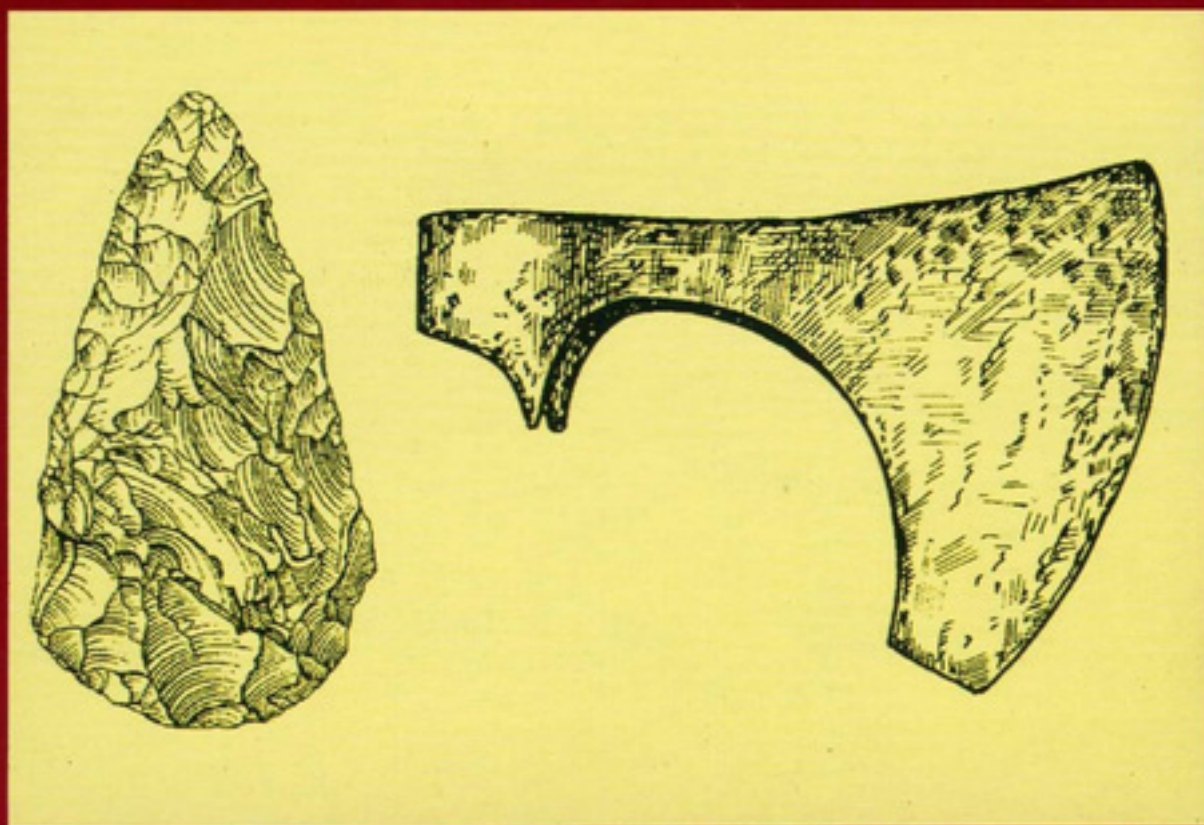

Н. И. Петров

АРХЕОЛОГИЯ

Санкт-Петербург
2008

Николай Петров

Археология: учебное пособие

«СПбКО»

2008

Петров Н. И.

Археология: учебное пособие / Н. И. Петров — «СПбКО», 2008

ISBN 978-5-903983-03-2

Настоящее учебное пособие посвящено систематическому изложению основных сведений об одной из наиболее увлекательных исторических наук. Пособие состоит из трех основных частей: «Что такое археология?» (история развития и современное состояние науки), «Что такое археологические источники?» (специфика и основные виды археологических источников) и «Что такое археологические исследования?» (методы полевых археологических работ и интерпретаций). Издание предназначено для студентов, обучающихся по гуманитарным специальностям, а также рассчитано на всех читателей, интересующихся изучением истории по вещественным источникам.

ISBN 978-5-903983-03-2

© Петров Н. И., 2008

© СПбКО, 2008

Содержание

Введение	6
Что такое археология?	7
Археология: наука и общество	7
Формирование понятия «древности» и предыстория археологии	16
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Николай Петров

Археология: учебное пособие

Научный редактор

кандидат исторических наук, доцент Ю. В. Николаева

Рецензенты:

*кандидат исторических наук, доцент Н. М. Боголюбова, кандидат педагогических наук
С. О. Никифорова*

На первой странице обложки изображены: палеолитическое каменное орудие бифас (Любин 1984: 81, рис. 24:2); средневековый железный боевой топор (Седов 1982: 231, табл. LVII: 13).

Введение

Что такое археология? Что представляет собой эта научная дисциплина и в чем ее отличие от других смежных исторических наук? Энциклопедические издания предлагают следующие определения:

«...Наука, изучающая по вещественным источникам историческое прошлое человечества», – так определяет археологию последнее издание Большой Советской Энциклопедии. Вещественные источники, в свою очередь, характеризуются здесь как «орудия производства и созданные с их помощью материальные блага: постройки, оружие, украшения, посуда, произведения искусства – все, что является результатом трудовой деятельности человека».

Схожая формулировка обнаруживается в энциклопедии «Britannica», определяющей археологию как «научное исследование материальных остатков человеческой жизни и деятельности в прошлом. В их число входят человеческие артефакты от наиболее ранних каменных орудий до созданных человеком объектов, которые были скрыты или выброшены в настоящее время... Археологические исследования являются принципиальным источником знаний о доисторических, древних и исчезнувших культурах».

Приведем также определение профессионального издания – «Археологического словаря» (Брей, Трамп 1990: 24): археология – это «изучение прошлого на основе материальных остатков деятельности человека, т. е. техника обработки полученной таким образом информации и преобразования ее для изучения в рамках первобытной истории... а при наличии также письменных источников – и древней истории...» Любопытно, что именно профессиональный справочник характеризует археологию как технику преобразования информации. То есть, археология описывается здесь не просто как какая-то исследовательская деятельность в отношении древних вещей, а рассматривается в качестве определенной методики обработки информации, имеющейся в материальных остатках человеческой деятельности.

Итак, в первом приближении археология оказывается изучением материальных результатов деятельности человека (иначе говоря – вещественных источников), позволяющим нам использовать заложенную в них информацию для исследования исторического прошлого. Но каким образом эта информация извлекается археологами из древних вещей? Каковы отличия вещественных источников от письменных? Что представляют из себя материальные остатки человеческой деятельности? Как проводятся их исследования? Ответам на эти и другие вопросы и посвящено данное учебное пособие.

Что такое археология?

Археология: наука и общество

Общественные представления об археологии и археологах могли бы стать темой специального исследования. До недавнего времени археолог представлялся общественности таким одержимым ученым чудаком – здесь можно вспомнить и Федю из «Песни студентов археологов» В.Высоцкого, который «древние строения искал с остервенением»; и профессора Мальцева с золотым шлемом Александра Македонского из фильма Л.Гайдая «Джентльмены удачи»; и даже продолжающие этот ассоциативный ряд образы археологов, использованные совсем недавно в телевизионных рекламных роликах стирального порошка («Смотри какая древность!») и пива («Душевно сегодня покопали!»).

В западной массовой культуре археолог, как правило, оказывается персонажем захватывающего детективного или приключенческого сюжета, будь то Индиана Джонс из серии фильмов С.Спилберга или «расхитительница гробниц» Лара Крофт из боевика С.Уэста. Археолог в этих и подобных им фильмах – детектив, ставящий перед собой цель найти определенный предмет, обладающий сверхъестественными свойствами, ранее, чем это сделают представители неких злых сил. Очевидно, что подобный взгляд на археологию не имеет отношения к действительности. Более того, по существу такого рода фильмы и игры оказываются «мощной рекламой кладоискательства как нового вида спорта» (Макаров 2004: 4) и формируют ложные представления о целях и задачах профессиональных археологических изысканий.

Сами археологи стали заниматься связями с общественностью совсем недавно. Пожалуй, лишь в 1990-х гг. археологические организации существенно активизировали работу по разъяснению целей, задач и характера своей деятельности и стали более активно пропагандировать общественную значимость изучения и сохранения археологического наследия. Здесь следует отметить российский образовательный проект, рассчитанный именно на широкую общественность, а не профессионалов-археологов – «Международный летний культурно-исторический университет „Старая Ладога“», проводившийся в Санкт-Петербурге и Старой Ладого в 2004–2006 гг. (Кирпичников 2004). Участники этой летней школы получили уникальную возможность принять участие в археологических раскопках, а также прослушать лекции известных ученых по истории и археологии России.

Какую общественную функцию выполняет археология или, проще говоря, зачем она нужна обществу? Схожим вопросом задавался 15 лет назад известный петербургский археолог Г.С.Лебедев: «Какова культурная функция археологии? Почему она на протяжении десятилетий, столетий сохраняет свою притягательную силу для новых и новых поколений? Дело, видимо, именно в том, что археологии принадлежит уникальная культурная функция: материализация исторического времени. Да, мы исследуем „археологические памятники“, т. е. попросту копаем старые кладбища и свалки. Но ведь при этом мы совершаем то, что древние с почтительным ужасом называли „Путешествием в царство мертвых“. Связывая древние вещи с отложениями земли, в которых они лежат, и осмысливая эти связи, археология создает материальную и объективную основу для субъективного общественного самосознания... Именно поэтому общество с развитым самосознанием испытывает растущую потребность в данных археологии, в объективации исторического времени» (Лебедев 1992: 450).

Действительно, именно благодаря открытиям археологов мы можем в полной мере ощутить ход истории, почувствовать или, образно говоря, «увидеть» время в конкретных древних вещах и сооружениях. «Наглядная» материализация исторического времени в древних вещах помогает преодолеть тот разрыв в его восприятии, о котором писал русский философ Н.А.Бер-

дьяв (1990: 57): «Прошлое с своими историческими эпохами есть вечная действительность, в которой каждый из нас, в глубине своего духовного опыта, преодолевает болезненную разорванность своего бытия». Эта же мысль звучит в работе археолога М.Е.Ткачука (1996: 32–33): «Мы сталкиваемся с неосознанным стремлением упорядочить время не линейно (день, ночь, неделя, месяц, пятилетка, двенадцать лет), а качественно, подойти к нему ценностно, разбить на этапы с точки зрения „Всемирного потопа“, „Сотворения мира“ или „Основания Рима“. Ведь во времени движутся не некие абстрактные культуры – движутся ценности, представления о добре и зле, героях и антигероях».

На самом деле, стремление материализовать историческое время в той или иной степени присуще каждому из нас. Современные функциональные вещи, заполняя собой пространство, по выражению Ж.Бодрийяра (1995: 61–63), «не обеспечивают наполненность времени». Между тем, старинная вещь «лишена какого-либо выхода в практику и явлена нам исключительно затем, чтобы нечто означать... Она не является нефункциональной или просто „декоративной“, и в рамках системы у нее есть вполне специфическая функция: ею обозначается время».

Приведенные выше наблюдения французского социолога относятся к его исследованию мира вещей современного общества потребления. Однако, аналогичные соображения можно «спроецировать» и на общественную функцию археологии, на то место, которое она занимает в общественном сознании: подобно тому, как старинные вещи являют свою историчность среди вещей современных, «среди лишенной истории домашней обстановки» (Бодрийяр 1995: 71), археология дает возможность обществу «увидеть» материальные воплощения чувства исторического времени в виде музейных экспозиций, популярных изданий, публичных выступлений ученых, сообщениях средств массовой информации о деятельности научно-исследовательских учреждений и т. п.

Очевидно, что охарактеризованная общественная функция археологии оказывается одним из важнейших факторов в формировании национального самосознания. Изучение древностей оказывается своего рода катализатором данного процесса. Это обстоятельство неоднократно осознавалось и отчетливо формулировалось многими политическими лидерами. Говоря об общественно-политическом значении отечественного археологического наследия, необходимо особо отметить беспрецедентные в истории нашей страны визиты Президента России В.В.Путина в первую столицу Руси Старую Ладогу, состоявшиеся в 2003 и 2004 гг. В ходе визита 2004 г. В.В.Путин не только принял непосредственное личное участие в раскопках остатков поселения IX в., но и отметил общественную значимость археологических изысканий в целом: «...Это очень нужное и полезное дело, потому что это живая история, не выдуманная из головы, не предположенная, а факты» (цит. по – Кирпичников 2004: 9).

Какое же место занимает археология в современной системе исторических наук? Каким образом изучение исторического прошлого «распределяется» между различными научными дисциплинами? Перед тем, как перейти к этим основным вопросам данной главы необходимо подробно остановиться на том, как сформировалось современное значение самого по себе термина «археология».

* * *

Современное значение термина «археология» сформировалось сравнительно недавно – в XIX в., в то время, как сам термин появился еще в античную эпоху. Буквальный смысл древнегреческого слова «archaiologia» – изучение древности. Принято считать, что этот термин впервые был использован греческим философом Платоном в диалоге «Гиппий Большой», датированном 380-ми гг. до н. э. Этот диалог ведется от лица философа Сократа и известного греческого софиста Гиппия из Элиды; Гиппий не раз бывал в Лакедемонне (Спарте), и Сократ расспраши-

вает его об этом государстве о его жителях. В частности Сократ спрашивает, какие публичные выступления Гиппия особенно понравились лакедемонянам? И Гиппий отвечает: «О родословной героев и людей, Сократ, о заселении колоний, о том, как в старину основывались города, – одним словом, они с особенным удовольствием слушают все рассказы о далеком прошлом (об археологии), так что из-за них и я сам вынужден был очень тщательно все это изучить».

Термин «археология» оказался востребованным античной исторической наукой. Так, греческий историк I в. до н. э. Диодор Сицилийский описывая в своей «Исторической библиотеке» события, предшествовавшие Троянской войне (около 1200 г. до н. э.), использовал словосочетание «эллинские археологии». В 7 г. до н. э. историк Дионисий Галикарнасский написал труд под названием «Римская археология», в котором рассматривал историю Рима с древнейших времен до Первой Пунической войны (264–241 гг. до н. э.). Кстати, благодаря именно Дионисию Галикарнасскому термин «археология» стал знаком книжникам поздней Московской Руси 1670–1680-х гг.: в анонимном «Предисловии к исторической книге, составленной по повелению царя Федора Алексеевича» упоминается «Дионисий Аликарнасей», который «в начале архиологии пишет, что историку надобно быти истинну...». Греческий историк и географ Страбон пользуется термином «археология» в своем труде «География», завершеном около 7 г. до н. э. Позднее в I–II вв. н. э. этот термин был востребован иудейским историком Иосифом Флавием и греческим историком и философом I–II вв. н. э. Плутархом. Одно из сочинений Иосифа Флавия так и называется – «Иудейская археология». Оно было завершено в 90-х гг. н. э. и представляет собой историю Иудеи от сотворения мира до периода правления императора Нерона – 54–68 гг.

В латинской традиции (как в Древнем Риме, так и позднее – в средневековье) использовался другой термин – *antiquitates* (древности), а также – *antiquarius* (антикварий, любитель древностей). «*Antiquitates rerum humanarum et divinarum*» («Человеческие и Божественные древности») – так назывался не дошедший до нашего времени труд ученого-энциклопедиста II–I вв. до н. э. Марка Теренция Варрона, посвященный истории и культуре римлян. В эпоху Возрождения слово «*antiquarius*» также обозначало любителя античных вещественных древностей.

В 1767 г. профессор Геттингенского университета Х.Г.Гейне возродил греческий термин, прочитав курс лекций «Археология искусства древности, преимущественно греков и римлян». А в 1799–1800 гг., в Нюрнберге ученик Х.Г.Гейне И.Ф.Зибенкес опубликовал в двух томах первый «Справочник по археологии». Несколько позднее, в 1809–1810 гг. другой ученик Х.Г.Гейне И.Ф.Буле прочитал аналогичный курс лекций «Археология и история изящных искусств» в Императорском Московском университете. Однако, в то время этим словом называлась исключительно история античного искусства. В начале XIX в. термин «археология» получает распространение «для обозначения особой дисциплины, трактующей о вещественных памятниках классической древности» (Жебелев 1923а: 26).

Самое первое упоминание термина «археология» в России (после 1670–1680-х гг.) относится, видимо, к 1803 г. и встречается в «Новом словотолкователе» Императорской Академии наук. Здесь «археология» объясняется просто как «описание древностей». Несколькоми годами позже, в 1807 г. Н.Ф.Кошанский издает русский перевод труда французского ученого О.Л.-Миллена под названием «Руководство к познанию древностей», в котором в самом начале дается следующее определение: «Археология заключает в себе науку древностей, то есть знание нравов, обрядов и памятников древних, дошедших до наших времен» (Милень 1807: 1). Обе формулировки довольно-таки расплывчаты, однако, археология не ограничивается в них исключительно античным искусством. В течение первой половины XIX в. термин «археология» начинает использоваться в России все чаще и в 1846 г. в Санкт-Петербурге появляется первое учреждение, в названии которого он присутствует – «Археологическо-Нумизматическое Общество». Понимание же археологии как науки об именно вещественных древностях

вообще сформировалось в середине XIX в. и окончательно возобладало лишь на рубеже XIX–XX вв.

В Советской России начиная с рубежа 1920–1930-х гг. и вплоть до конца 1930-х гг. термин «археология» был объявлен названием чуждой буржуазной науки. В 1932 г. С.Н.Быковский (1932: 3) писал: «Можно считать окончательно установленным, что археология в старом понимании себя изжила и сторонников иметь не может. С этим старым пониманием связано антинаучное деление исторических наук по видам источников. Основным признаком специальности археолога являлась работа над вещественными памятниками. Старый археолог – по преимуществу вещевед в полном и дурном смысле этого слова. Он изучал, как правило, не общественные явления, отраженные в вещах, а самые вещи». А двумя годами ранее идеолог молодой советской археологии В.И.Равдоникас (1930: 13) отмечал: «Узость и неудовлетворительность старой вещеведческой археологии заставили в советское время ввести у нас другое название, – „история материальной культуры“...»

Действительно, в 1919 г. декретом Совета Народных Комиссаров была учреждена «Российская Академия истории материальной культуры» (первоначально заместителем народного комиссара просвещения М.Н.Покровским было предложено название «Академия материальной культуры», однако, В.И.Ленин добавил слово «история»). Позднее «историю материальной культуры» стали воспринимать не просто как формальную замену термина «археология» – новому словосочетанию стремились придать новый смысл: «Понимая термин „материальный“ в философском смысле, предметом истории материальной культуры необходимо будет признать область истории материального производства, как и условия развития последнего. Такой науке по преимуществу придется иметь дело с изучением материального базиса общества на различных ступенях развития...» (Быковский 1932: 4). Однако, начиная с середины 1930-х гг. термин «археология» постепенно возвращается: с 1936 г. начинает издаваться серия научных сборников «Советская археология»; в том же году на историческом факультете Ленинградского государственного университета создается кафедра археологии (ее предшественница называлась «кафедра истории доклассового общества»), а в 1939 г. кафедра археологии открывается на историческом факультете Московского государственного университета; наконец, в 1959 г. Институт истории материальной культуры Академии наук СССР становится Институтом археологии.

* * *

«Археология есть история, вооруженная лопатой», писал в 1940 г. советский археолог А.В.Арциховский (1940: 3). Пожалуй, ни до, ни после этого высказывания, ставшего крылатой фразой, никто не формулировал позицию археологии в системе исторических дисциплин столь образно и, в то же время, однозначно. Однако, диапазон мнений о взаимоотношении археологии и истории конечно же не исчерпывается данной точкой зрения и определяется, в первую очередь, представлениями о том, что является предметом археологии (то есть – что собственно изучает археология).

Л.С.Клейном (2004: 44–46) выделяются три основные позиции исследователей по этой проблеме. Сторонники первой считают археологию исключительно источниковедческой дисциплиной. Соответственно, предмет археологии ограничивается только ее источниками. Археология, по словам И.Б.Рауза, «ограничивается определением тех материальных следов человечества, которые сохранились в земле». «Цели археологии заключаются в получении остатков и в выяснении их сущности» (Rouse 1972: 7). В российской археологии последовательным сторонником данной точки зрения является Г.П.Григорьев (1973: 42), определяющий предмет этой науки как «установление закономерностей развития ископаемых объектов

и отношений между ними». Как источниковедческую дисциплину характеризует археологию и сам Л.С.Клейн.

Вторая позиция сводится к признанию в качестве предмета археологии исторического процесса как такового. Археология оказывается в таком случае вспомогательной исторической дисциплиной «внутри» самой истории, так сказать «поставщиком» иллюстративных материалов для историков. Так, К.Рандсборг внутри «всеобъемлющей» истории выделяет «традиционную историю, основанную на письменном тексте» и «историю, основанную на прошлой материальной реальности, иначе – археологию». Основная мощь и своеобразие археологии проявляется именно в исторических исследованиях (Randsborg 1997: 189, 194). С этой позицией может быть сопоставлена приведенная выше точка зрения А.В.Арциховского.

Наконец, представители третьей позиции объединяют в предмете археологии и сами источники, и отраженный в них исторический процесс. То есть, археолог рассматривается как абсолютно самостоятельный специалист, который при желании может писать свою собственную «археологическую» историю без оглядки на разработки историков. Хотя, конечно, сознательно игнорировать имеющиеся в наличии исторические данные никто не собирается.

Пример подобной позиции представлен во «Введении в археологию» Х.Д.Санкалия, согласно которому предмет археологии включает в себя как непосредственно «изучение древностей», так и «историю прошлых событий» (Sankalia 1965: 1). В российской археологии эта точка зрения представлена в работах Ю.Н.Захарука (1978: 15): «Без органичного единства археологического источниковедения и задач общеисторического исследования нет предмета археологической науки».

Стоит отметить, что эта группировка взглядов на проблему предмета археологии не является исчерпывающей. За ее рамками оказались такие неожиданные точки зрения как, например, позиция М.В.Аниковича (1988: 96), согласно которой «археология как практическая деятельность не выделяется в одну особую самостоятельную науку». Однако, так или иначе, все охарактеризованные выше позиции основываются на специфике археологии, определяющейся ее источниками – вещественными древностями (иначе говоря, материальными остатками). И именно это обстоятельство отличает археологию от собственно истории, источниками которой являются, как правило, письменные тексты.

Письменные и вещественные источники различаются принципиально по многим показателям. Но самое главное их различие заключается в том, что первые являются сообщениями, в то время как вторые – остатками: «Исторические источники сообщают об историческом прошлом, в них фиксируется действительность, видоизменяясь согласно представлениям того, кто их пишет... Археологические источники не создаются намеренно... В археологических источниках до нас дошли не сообщения о прошлой жизни, а фрагменты этой жизни...» (Григорьев 1981: 5).

Наличие или отсутствие письменных свидетельств является столь значительным фактором для источниковой базы исторических исследований, что именно он лежит в основе выделения «преистории» (иначе – «доистория», близкий по значению термин – «история первобытного общества»), определяемой как «древнейший период существования человека, о котором нет никаких письменных данных» (Вишняцкий 2005: 14) и который предшествует собственно «истории», уже освещенной письменными источниками. Иногда выделяют еще промежуточную «протоисторию», определяемую как период в жизни человечества после появления письменности, но вне тех областей, где есть письменные источники. Считается, что первым термин «преистория» использовал французский исследователь П.Турналь при публикации в 1830-х гг. находок, сделанных в пещерах южной Франции. В англоязычной литературе этот термин впервые прозвучал в 1851 г. в названии книги Д.Уилсона «Археология и преисторические анналы Шотландии».

«Письменность, – считает Л.Б.Вишняцкий (2005: 14), – лишь формальный критерий отделения „преистории“ от „истории“, а суть различий между двумя этими периодами лежит неизмеримо глубже: в характере общества, в движущих силах развития культуры, наконец, в человеческой психологии...» Однако, такое понимание письменности как исключительно формального признака представляется в данном случае неверным. Наличие или отсутствие письменных источников во многом предопределяет наши представления об исследуемом периоде. Наличие письменных текстов, в первую очередь, дает нам чрезвычайно важную информацию о языке, на котором они написаны; кроме того, как правило, мы встречаем в этих свидетельствах названия оставивших их народов, а нередко – и имена конкретных личностей. Наконец, письменное известие в той или иной степени отражает собой точку зрения, мировоззрение его автора. В вещественных древностях все это отсутствует в принципе. Археология доистории – это бессловесный мир анонимных материальных остатков.

* * *

Обратимся к истории формирования базовой археологической периодизации прошлого человечества – «системы трех веков».

Предположение о господстве различных материалов в различные эпохи истории человечества высказывалось еще в трудах античных авторов. Так, еще древнегреческий поэт VIII–VII вв. до н. э. Гесиод в своей поэме «Труды и дни» писал о последовательном существовании пяти поколений людей – золотого, серебряного, медного, героев-полубогов и, наконец, железного – современного Гесиоду. Во II в. н. э. греческий историк и географ Павсаний включил в свое сочинение «Описание Эллады» следующее рассуждение: «А что в героические времена оружие вообще все было медное, свидетелем этого является Гомер, в тех стихах, где он описывает секиру Писандра (Илиада, XIII, 612) и копье Мериона (Илиада, XIII, 630). И, с другой стороны, это подтверждается копьем Ахиллеса, хранящимся в Фаселиде в храме Афины, и мечом Мемнона, находящимся в Никомидии в храме Асклепия; у копья острие и нижняя часть сделаны из меди, а меч вообще весь медный. Я это видал и знаю, что это так».

Древнеримский поэт и философ I в. до н. э. Тит Лукреций Кар в поэме «О природе вещей» выделял три периода (камня, меди и железа) в технологическом развитии человечества, причем под «каменными», подразумевались, судя по всему, не изготовленные из этого материала орудия, а камни как таковые. Важно подчеркнуть, что поэма Лукреция была хорошо известна в Европе эпохи Возрождения и более позднего времени – первое ее издание состоялось еще в 1473 г.

Использование каменных ножей и преобладание медного вооружения, и особая ценность изделий из железа (обусловленная, видимо, их редкостью в соответствующее время) упоминается в текстах Библии. Так, каменные орудия упоминаются, например, в «Книге Иисуса Навина» (5: 2–3) – «2. В то время сказал Господь Иисусу: сделай себе каменные ножи и обрежь сынов Израилевых во второй раз. 3. И сделал себе Иисус каменные ножи и обрезал сынов Израилевых на месте, названном „Холм обрезания“». «Железные сосуды» упоминаются среди особых ценностей, принесенных «в сокровищницу дома Господня» после взятия Иисусом Навиным Иерихона около 1400 г. до н. э.: «А город и все, что в нем, сожгли огнем; только серебро, и золото, и сосуды медные и железные отдали в сокровищницу дома Господня» (Книга Иисуса Навина 6: 23). С другой стороны, преобладание медных предметов, обнаруживается в описании вооружения филистимского воина Голиафа, убитого Давидом в царствование Саула (около 1030–1010 гг. до н. э.): «4. И выступил из стана Филистимского единоборец, по имени Голиаф, из Гефа; ростом он – шести локтей и пяди. 5. Медный шлем на голове его; и одет он был в чешуйчатую броню, и вес брони его – пять тысяч сиклей меди; 6. Медные наколенники на ногах

его, и медный щит за плечами его; 7. И древко копья его, как навой у ткачей; а самое копьё его в шестьсот сиклей железа, и пред ним шел оруженосец» (Первая книга Царств 17: 4–7).

Суждения античных авторов об эпохах господства различных материалов в истории человечества (с учетом сведений, представленных в Библии) нашли свое продолжение в предположениях французских и скандинавских ученых XVIII – начала XIX вв. Разработка гипотезы Тита Лукреция Кара была продолжена монахом ордена св. Бенедикта Нурсийского Б. де Монфоконом, антикварием Н.Магюделем, философом и историком А.-И.Гоге и другими исследователями. В 1813 г. профессор Копенгагенского университета, историк Л.Ш.Веддел-Симонсен высказал следующее соображение: «Предметы вооружения и утварь древнейших обитателей Скандинавии были первоначально сделаны из камня или дерева... Позднее эти люди стали использовать медь ... и только недавно появилось железо. Поэтому, с этой точки зрения, история их цивилизации может быть разделена на век камня, век меди и век железа. Эти века не были отделены друг от друга настолько четкими границами, что они не „перекрывали“ друг друга. Несомненно беднота продолжала использовать каменную утварь после появления медного инвентаря, а медный инвентарь – после появления аналогов из железа». Однако, несмотря на столь четкую и в то же время корректную формулировку системы трех веков, она не была еще обоснована фактическим материалом – археологическими находками. Это было сделано несколько позднее.

В 1807 г. в Дании, с целью формирования Национального музея древностей был учрежден «Королевский Комитет по сохранению и коллекционированию национальных древностей», секретарем которого стал директор библиотеки Копенгагенского университета Р.Нируп. В 1816 г. его сменил на этой должности К.Ю.Томсен, который тогда же был назначен «первым хранителем» Национального музея древностей. Главной задачей Томсена было упорядочивание коллекций древних вещей для музейной экспозиции и он классифицировал их, таким образом, чтобы по ним можно было продемонстрировать технический прогресс – распределил археологические находки на группы, основываясь на материалах, из которых они были сделаны. В 1819 г. Национальный музей древностей, экспозиция которого была построена по описанному принципу, был открыт для общественности, а в 1836 г. Томсеном был издан «Путеводитель по северным древностям», в котором нашла отражение его классификация. Результатом этой классификации стало выделение трех периодов в технологическом развитии населения Северной Европы – каменного, бронзового и железного.

Томсен отмечал, что бронзовые вещи с режущим лезвием (орудия или оружие) не встречаются вместе с такими же железными вещами; что с подобными вещами из бронзы встречаются украшения одного облика, а из железа – другого, и т. д. Таким образом, Томсен не просто классифицировал отдельные вещи, он стремился классифицировать совокупности находок – комплексы вещей. Важно подчеркнуть, что Томсен не устанавливал никаких абсолютных (календарных) дат, он показал лишь последовательность смены периодов в развитии производства орудий.

В эти же (1830-е) годы под влиянием Томсена, в соответствии с системой трех веков были организованы музейные экспозиции в Швеции – в музеях Лунда и Стокгольма. В 1834 г. система трех веков была поддержана шведским зоологом, профессором Лундского университета С.Нильссоном в очерке о появлении охоты и рыболовства в Скандинавии, представлявшем собой введение к новому изданию его труда посвященного фауне этого полуострова. В это же время системой трех веков стали пользоваться и ученые северо-восточной Германии – Г.К.Ф.Лиш и И.Ф.Даннайль. Позднее, классификация Томсена была подтверждена его учеником Й.-Я.А.Ворсо в монографии 1842 г. «Датская старина по материалам древних саг и раскопок курганов».

В настоящее время, нередко звучат скептические оценки системы трех веков. Так, авторы «Археологического словаря», отмечая «пропуск» эпохи бронзы в процессе развития некото-

рых регионов, полагают, что «система постепенно изживает себя и, несомненно, будет заменена, как только будет предложена лучшая...» (Брей, Трамп 1990: 250). Однако, несмотря на существование таких точек зрения, основа системы трех веков (эпоха камня – эпоха бронзы – эпоха железа) получила в мировой археологии «ранг универсальной археологической периодизации – общемировой и всеобъемлющей (общекультурной)» (Клейн 2000а: 495). Формирование этой периодизации в XIX в. характеризуется как «переворот в археологии, в деле превращения ее из простого собирательства в науку» (Монгайт 1973: 19) и именно система трех веков признается всемирной (панойкуменной) археологической периодизацией. Этапы, выделяемые «внутри» «веков», уже относятся исключительно к региональным периодизациям. Система трех веков представляет собой археологический «каркас» истории (в широком значении этого слова, включающем дописьменную эпоху), инструмент, который связывает археологическое видение процесса развития человечества с исторической действительностью.

Система трех веков изначально не была привязана к абсолютным датам (то есть – к календарной шкале времени). Тем не менее, предполагается, что она охватывает собой именно тот отрезок истории, который изучает археология. И если начало этого отрезка, само собой разумеется, относится к появлению человека на Земле и началу человеческой деятельности, то его конечная дата не столь очевидна.

В 1851 г. члены Императорского Археологического Общества в Санкт-Петербурге приняли решение: «назначить 1700 год крайним пределом для исследований Русских древностей. Все памятники, появившиеся после этого времени, не входят в круг его занятий». Сегодня несостоятельность подобного подхода представляется очевидной. Археологи уже достаточно давно исследуют объекты гораздо более позднего, чем 1700 г., времени. Любопытно, что первые подобные попытки в России относятся как раз к середине XIX в. – еще в 1830-е гг. начальник архива Инженерного департамента, «Генерал-Инспектор по Инженерной части» А.Л.Майер стремился выявить стены Зимнего дворца 1710-х гг., в котором умер Петр I. Впрочем, А.Л.Майер не производил раскопок, а использовал лишь письменные и графические документы в сочетании с натурными наблюдениями. Однако, необходимость подобных раскопок он формулировал довольно отчетливо: «...Если воинская слава России быстро превзошла славу Греции и Рима, то иногда столь же скоро и памятники великих ее мужей уподоблялись памятникам древних героев, с трудом и медленно отыскиваемым в классической земле или под новыми зданиями, изгладившими следы бывших некогда на их месте» (Майер 1872: 7). И уже в 1853 г., в ходе изысканий Ф.Г.Солнцева была выявлена «угловая жилая комната нижнего этажа дворца Петра I» (Михайлов 1988: 244). Тем не менее, спустя столетие, когда А.Д.Грач проводил раскопки на территории стрелки Васильевского острова в Ленинграде в 1952 г., он, публикуя результаты своих исследований, вынужден был объяснять необходимость археологического изучения остатков деятельности населения Санкт-Петербурга XVIII в., «так как считалось, что в задачи археологии в основном входит изучение памятников глубокой древности» (Грач 1957: 7-9). Сегодня же полноценное археологическое изучение Санкт-Петербурга в течение всех трех столетий его существования является признанным направлением исследований. «Петербург, – пишет Г.С.Лебедев (1996: 15), – сохраняет весьма ценные объекты специфической бытовой культуры, начиная со „шведских трубок“ времен Северной войны 1700–1721 гг. до становящихся реликвиями бытовых вещей Ленинградской Блокады 1941–1944 гг.»

Некоторые археологи, не называя каких-либо абсолютных (календарных) дат, полагают, что «археология начинается, когда заканчивается живая память» (Daniel 1962: 5) и указывают на «фактор забвения» (Клейн 1978а: 58), определяющий финальный предел хронологического интервала, относящегося к объекту археологии, – «исторического прошлого» по С.А.-Жебелеву (1923б: 4). С этим трудно согласиться. Наверное, самым ярким примером полноценного использования методики археологических раскопок для изучения событий недавнего прошлого остаются исследования героической обороны в мае-октябре 1942 г. Центральных

Аджимушкских каменоломен близ Керчи советским гарнизоном под командованием полковника П.М.Ягунова. Первые изыскания здесь были проведены в 1972 г. по инициативе Керченского историко-археологического музея и журнала «Вокруг света» (Рябкин 1972: 17–23), впоследствии они были продолжены в 1980–1990-х гг. Важно подчеркнуть, что это были в полной мере научные исследования, сопровождавшиеся сплошной зачисткой больших участков штолен и профессиональной обработкой полученных материалов. Очевидно, что археологические исследования Аджимушкских каменоломен никак нельзя соотносить с «фактором забвения» – они начались спустя всего лишь 30 лет после событий 1942 г., представители поколений свидетелей и участников Великой Отечественной войны и сегодня являются носителями той самой «живой памяти» об этом времени.

Впрочем, в вопросе определения конечной даты отрезка истории, изучаемого археологией, главное, конечно же, не в том, насколько более «поздний» пример раскопок возможно привести в данный момент. В конце концов, мы можем «остановиться» на изучении современных бытовых отходов североамериканского города, предпринятом в качестве эксперимента группой исследователей Аризонского университета по руководством Уильяма Рэтджи в 1970-х гг. По мнению У.Рэтджи, «применение археологических методов для изучения нашего общества может способствовать более глубокому пониманию самого общества» (Ренфрю 1985: 8). То есть, изучение современного мусора является в данном случае не просто неким экзотическим вариантом практического занятия для студентов, а отчетливо осознается в качестве возможного (хотя и не востребованного) способа исследования современной культуры. Любопытно отметить, что, характеризуя систему трех веков, археологи нередко утверждают, что «железный век продолжается и сейчас» (Амальрик, Монгайт 1966: 52). То есть, современность оказывается включенной в хронологические рамки всеобщей археологической периодизации!

Наверное, следует признать, что археология является, в первую очередь, «ремеслом, комплексом методик» (Daniel 1969: 86). Неслучайно археолога часто сравнивают с детективом. Первым это сделал Г.Кларк, по мнению которого археолог «напоминает криминалиста. Он должен быть уверенным в косвенных доказательствах и большая часть его времени уходит на детали, которые могут казаться тривиальными, несмотря на то, что как следы человеческих действий они представляют чрезвычайный интерес» (Clark 1939: 1).

Востребованность же этого «криминалистического» метода для изучения различных исторических эпох определяется различными факторами. Пример Аджимушкских каменоломен убедительно показывает, что даже при изучении новейшей истории «в силу конкретных исторических причин может оказаться, что единственным преимущественным или неизбежным средством получения информации о каком-либо событии будут археологические изыскания» (Боряз 1975: 11). А то, что раскопки остатков человеческой деятельности XX в. случаются гораздо реже, чем, например, археологические исследования поселений каменного века, обусловлено информационной уникальностью доисторических материальных остатков и, что особенно важно, традиционным восприятием археологии как науки о древностях.

Формирование понятия «древности» и предыстория археологии

Мы привычно воспринимаем те или иные вещи, относящиеся к несуществующим ныне культурам предшествующих эпох, как древности. Мы представляем себе время в качестве линейной шкалы, на которой есть место прошлому, настоящему и будущему. Однако, возможны и иные формы представлений, в рамках которых для понятия «древности» просто нет места, – речь идет о так называемом циклическом восприятии времени, доминировавшем в античном мире и дохристианских варварских обществах Европы, у народов древнего Востока и т. д. Вот как описывает циклическое восприятие времени А.Я.Гуревич (1972: 88): «„Архаическое“ сознание антиисторично. Память коллектива о действительно прошедших событиях со временем перерабатывается в миф, лишаящий эти события их индивидуальных черт и сохраняющий только то, что соответствует заложенному в мифе образцу; события сводятся к категориям, а индивиды к архетипу. Новое не представляет интереса в этой системе сознания, в нем ищут лишь повторения лишь прежде бывшего, того, что возвращает к началу времен. При подобной установке по отношению к времени приходится признать его „вневременность“. Здесь нет ясного различия между прошедшим и настоящим, ибо прошлое вновь и вновь возрождается и возвращается, делаясь реальным содержанием настоящего. Но, утрачивая самостоятельную ценность, настоящее вместе с тем наполняется более глубоким и непреходящим содержанием, поскольку оно непосредственно соотносено с мифическим прошлым, являющимся не только прошлым, минувшим, но и вечно длящимся».

Циклическому возрождению прошлого в настоящем противостоит христианская концепция исторического времени: история движется линейно – от сотворения мира к Страшному Суду. Христианское время отчетливо структурировано – до Рождества Иисуса Христа и после него. «Христианство по своей природе исключительно динамично, а не статично, что оно является стремительной силой в истории и что этим оно глубоко отличается от склада созерцания античного мира, который был статичен» (Бердяев 1990: 84; об особенностях современного линейного восприятия времени см. – Борзова 2007: 12–13).

Распространение христианства в Европе в течение I тысячелетия н. э., конечно же, не привело к полному исчезновению циклического восприятия времени. «...Архаическое отношение ко времени было не столько искоренено, сколько оттеснено на задний план, составило как бы „нижний“ пласт народного сознания» (Гуревич 1972: 93). И здесь важно подчеркнуть: в контексте дохристианского внеисторического мировоззрения понятие «древности» также оказывается вне истории и самыми яркими свидетельствами этому оказываются мифологические (а не исторические) интерпретации случайных находок тех или иных древних вещей. Приводимые ниже примеры хоть и относятся к уже христианской народной культуре, тем не менее, со всей очевидностью представляют собой результат архаического восприятия времени.

В средневековых и более поздних поверьях особое место занимают «громовые стрелы» – случайно обнаруживаемые в земле как кремневые наконечники стрел и копий эпохи камня, так и ископаемые окаменелости вымерших моллюсков. И.Е.Забелин (1879: 510–511) приводит следующие сведения из «старинных травников»: «Перун-Камень. А тот камень падает и стреляет сверху от грома... всхожь на копьё... Он же и громовая стрела называем». «Того же камня демони боятся, а носящий его не убоится напасти и беды и одолеет сопротивников своих». Согласно народным верованиям, громовые стрелы обладали целительной силой.

Одно из наиболее ранних древнерусских свидетельств о громовых стрелах встречается в новгородской кормчей книге 1280-х гг., осуждающей это поверье: «Стрелки и топори громнии нечестивая и богомерзкая вещь; аще и недоугы подсыванья огньныя болести лечить, аще и бесы изгонить и знаменья творить, проклята есть...» (Срезневский 1897: 101). Любопытное

соответствие подобным сведениям обнаруживается в археологических материалах: в Новгороде среди остатков городской застройки начала XIV в. был обнаружен амулет в виде обломка кремневого наконечника копья эпохи камня, заключенного в медную оправу, на лицевой стороне которой находилось изображение восьмиконечного процветшего креста (Седова 1957: 166). Позднее «стрелки громны, топорки» упоминаются в Домострое – составленном в XVI в. своде правил домашнего устройства. В главе 8 «Како врачеватися христианомъ отъ болезней...» осуждается тот, «кто бестрашенъ и безчиненъ, страху Божию не имеет» и использует подобные предметы для лечения (Домострой 1994).

Не исключено, что именно поверье о громовых стрелах, натолкнуло древнерусского летописца на аналогичное объяснение происхождения стеклянных бус, вымываемых дождем из земли в Старой Ладогe. Дело в том, что яркие разноцветные стеклянные бусины VIII–X вв. с характерным «глазчатым» узором действительно отчетливо видны именно в размытом дождем, влажном грунте. Однако, летописец, прибывший в 1114 г. в Ладогу (в тот год здесь было начато строительство каменной крепости), непосредственно связывает появление этих предметов с «тучей великой»: «пришедшу ми в Ладогу поведаша ми Ладожане. яко сде есть егда будеть туча велика находять дети наши глазкы стекляныи. и малыи великыи. провертаны. а дрыя подле Волховъ берутъ. еже выполоскываеть вода от нихъ же взяхъ боле ста. суть же различь сему же ми ся дивлящю. рекоша ми се не дивно» (Ипатьевская летопись 2001: 277).

Еще один характерный пример «внеисторической» интерпретации древностей архаическим сознанием: случайные находки огромных костей мамонтов (в береговых осыпях, при земляных работах и т. п.), приписываемые народной молвой мифологическим персонажам сверхъестественной силы – великанам «волотам» (Веселовский 1906: 18–19). Следы подобных представлений мы встречаем в российских письменных источниках, начиная со второй половины XVII в. Так, среди документов Разрядного приказа («приказами» назывались тогда государственные органы центрального управления в Москве) сохранилось дело «о находке костей бывших людей – волотов [великанов]». Сама находка «волотовых костей» была сделана в 1679 г. под Курском, а к 1684 г. относится высланное из Москвы предписание курскому воеводе о необходимости осмотра места находки (Замятнин 1950: 287–288).

В XVIII в. В.Н.Татищев, собирая сведения о находках костей мамонта, также отметил в своем «Сказании о звере мамонте» похожие народные предания: «...каковых костей яко в Руси, тако и в протчих европейских странах в земли довольно находится, и почитают их простой народ за богатырские». Впрочем, В.Н.Татищеву (1979: 36, 40) известно и иное фольклорное объяснение наличия подобных костей в земле: «...о звере мамонте... обыватели сибирские скажут, якобы живут под землею...». И далее: «Оной зверь живет всегда под землею, с места на место приходит, очищая и предуготовляя путь себе имущими рогами...»

Архаическое мировоззрение воспринимает время циклически и именно поэтому в нем не находится места понятию «древности». Соответственно, спонтанные интерпретации древних вещей, хоть и могут быть весьма разнообразными в частностях (будь то их связь с природными явлениями или мифологическими персонажами), всегда едины в одном – они позиционируют древности вне исторического линейного времени, то есть – вне истории.

Особое место в архаическом обществе занимает кладоискательство, которое можно рассматривать как ритуальный способ установления коммуникации с сакральным (потусторонним) миром, позволяющей обрести удачу и тем самым изменить свою судьбу. Наиболее яркие (но далеко не самые ранние) примеры представлений о добыче сокровищ из курганов, как о ритуальном способе обретения удачи, обнаруживаются в Скандинавии эпохи викингов (IX–XI вв.). Упомянем здесь «Сагу о Херде и островитянах», описывающую события, происходившие в Исландии в конце X в.: «...Хроар сказал: – Вот я встаю на чурбан и клятвенно обещаю, что еще до следующего праздника середины зимы я проникну в курган викинга Сотти. Ярл сказал: – Много ты наобещал, и одному тебе этой клятвы не выполнить, потому что Сотти и живой был

могучим великаном, а теперь, мертвый, он вдвое ужаснее. Херд тогда встал и сказал: – Не верно ли будет последовать твоему примеру? Я клятвенно обещаю пойти с тобою в курган Соти и выйти оттуда не раньше тебя». Херд проникает в курган, где он встречается самого Соти, которого ему удастся победить. «Херд взял меч и шлем Соти, это все были замечательные сокровища». «Все считали, что этим походом в курган Херд стяжал себе великую славу». Похожий рассказ присутствует в «Саге о Греттире».

А.В.Жук (1993: 66–69) рассматривает подобные сюжеты в качестве одной из «ключевых структур протоархеологии» («протоархеологического сознания»), понимая под ней, насколько можно судить, проявление активного интереса к древним ископаемым предметам (в первую очередь – оружию). Несмотря на не вполне удачный термин «протоархеология», следует признать: описанные выше действия Херда ныне представляли бы собой преступления, подпадающие под действие статей 164 и 243 Уголовного Кодекса Российской Федерации, однако, для той поры они безусловно оказываются первоначальным опытом проникновения внутрь археологических объектов (в рассматриваемых случаях – погребальных сооружений) и знакомства с их содержанием: «...Стали они разрывать курган... Дошли до бревен... На четвертый день разобрали они все бревна, а на пятый открыли двери».

Отмеченная ритуальная функция кладоискательства (установление коммуникации с сакральным (потусторонним) миром, позволяющее обрести удачу) сохранилась и в более поздние эпохи – явление ритуального кладоискательства широко представлено в традиционных крестьянских сообществах XIX–XX вв. Однако, со временем формируется и исключительно корыстная мотивация подобных поисков. Так, в XVII в. начинается массовое освоение вольных земель Сибири военным, торгово-промышленным и крестьянским населением из европейской России. И именно в это время здесь начинают образовываться многочисленные артели так называемых «бугровщиков», раскапывавших («бугровавших») древние земляные погребальные сооружения – курганы («бугры») – с целью обнаружения и продажи предметов из золота и серебра, добычу и обработку которых сибирские аборигены освоили свыше трех с половиной тысяч лет назад. С другой стороны, как справедливо отмечает А.А.Формозов «в погоне за золотом был замечен ряд деталей чисто археологического характера». Первоначальный опыт примитивных грабительских раскопок XVII в. был востребован учеными следующего столетия – «все, кто писал тогда о сибирских древностях, ссылались на сведения, полученные от „бугровщиков“» (Формозов 1986: 12, 14). Следует, видимо, согласиться с заключением Н.Я.Новомбергского (1917: 203): «...Корыстное устремление кладоискателей в подземные пространства овеществляло связь с прошлыми поколениями и народами, а эта связь, спустя много времени, бескорыстно была осмыслена археологами. За кладоискателем шел археолог и одухотворял связь прошлого с настоящим».

Одним из позитивных промежуточных результатов кладоискательства в древности следует признать его непосредственную связь с появлением коллекций древних вещей. Впрочем, самые первые коллекции древностей начали формироваться, судя по всему, в результате раскопок, проводившихся со вполне исследовательскими целями. Речь идет о раскопках нововавилонскими царями Навуходоносором II и Набонидом (правившими в 604–562 и 555–539 гг. до н. э., соответственно) фундаментов древних дворцов и храмов (Грицкевич 2004: 87).

Одно из подобных изысканий описывается в надписи на так называемом «цилиндре Набонида», датированном 555–540 гг. до н. э. и хранящемся в Британском музее. Этот глиняный клинообразный цилиндр был обнаружен в храме Шамаша в городе Сиппаре. Надпись на нем сообщает о благочестивой реконструкции Набонидом храмов бога Луны Сина в Харране, бога Солнца Шамаша и богини Анунитум в Сиппаре, а также – о том, что в ходе работ в Сиппаре были обнаружены надписи предшествующих царей Нарам-Сина и Шагараки-шуриаша (правивших в 2254–2218 и 1245–1233 гг. до н. э., соответственно). Датировки этих надписей, приводимые на цилиндре Набонида, значительно преувеличивают их реальный возраст.

Л.Вулли в публикации раскопок города Ура приводит следующее сообщение Набонида: «...Саженьцы диких финиковых пальм и садовых фруктовых деревьев выросли до середины. Я срубил деревья и убрал их остатки с освободившейся земли; я обнаружил здание и выявил его основание-террасу; внутри него я обнаружил надписи древних предшественников царей» (Woolley 1982: 250). То есть, нововавилонский царь, вне всякого сомнения, отдавал себе отчет в том, что предпринимаемые им земляные работы приводят к обнаружению древних предметов. Считается, что поиски Набонидом фундаментов древних зданий и надписей предшественников царей были в первую очередь мотивированы его стремлением легитимировать свое восхождение на престол (он был сыном вождя одного из арамейских племен).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.